

**29–1939. Любовь
в эпоху
ненависти**

**Флориан
Иллиес**

**Хроника
одного
чувства**

Флориан Иллиес

**Любовь в эпоху ненависти.
Хроника одного чувства, 1929-1939**

«Ад Маргинем Пресс»

2021

УДК 821.112.2-43:304.44(4)»1929/1939»
ББК 84(4Гем)6-46+63.3(4)61-7

Иллиес Ф.

Любовь в эпоху ненависти. Хроника одного чувства, 1929-1939 /
Ф. Иллиес — «Ад Маргинем Пресс», 2021

ISBN 978-5-91103-623-2

В своей виртуозной манере Флориан Иллиес воссоздает 1930-е годы, десятилетие бурного роста политической и культурной активности в Европе. Жан-Поль Сартр в компании Симоны де Бовуар ест сырный пирог в берлинском ресторане Kranzler-Eck, Генри Миллер и Анаис Нин наслаждаются бурными ночами в Париже, Фрэнсис Скотт Фицджеральд и Эрнест Хемингуэй переживают страстные романы в Нью-Йорке, Бертольт Брехт и Хелена Вайгель бегут в изгнание, так же как Катя и Томас Манн. В 1933 году «золотые двадцатые» резко заканчиваются. Именно в это время национал-социалисты захватывают власть в Германии, начинают сжигать книги и чинить насилие над евреями. Автор возвращает нас в эпоху мировой политической катастрофы, чтобы рассказать о величайших влюбленных в истории современности. Его книга – это волнительное и прекрасно спланированное путешествие в прошлое, которое читается как комментарий к нашему как никогда неопределенному настоящему.

УДК 821.112.2-43:304.44(4)»1929/1939»

ББК 84(4Гем)6-46+63.3(4)61-7

ISBN 978-5-91103-623-2

© Иллиес Ф., 2021

© Ад Маргинем Пресс, 2021

Содержание

До	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Флориан Иллиес
Любовь в эпоху ненависти.
Хроника одного чувства. 1929–1939

Originally published as «Liebe in Zeiten des Hasses. Chronik eines Gefühls 1929–1939

Copyright © S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2021

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2022

The translation of this work was supported by the Goethe-Institute, which is funded by the German Ministry of Foreign Affairs, within its programme Litrix.de

До

Весной 1929 года юный Жан-Поль Сартр в парижской *École Normale* впервые смотрит в глаза Симоне де Бовуар и впервые в жизни теряет рассудок. Через несколько недель, в начале июня, он договаривается с ней о свидании, но она не приходит. Сартр сидит в чайной на улице Медичи, сидит и ждет напрасно. В Париже в этот день царит блаженный зной, в высоком синем небе громоздятся облака, Сартр специально не повязал галстук, ведь после чаепития он собирается отправиться с ней в расположенный по соседству Люксембургский сад, чтобы пускать там кораблики – он где-то вычитал, что есть такой обычай. Когда он уже выпил половину чая, пятнадцать раз посмотрел на часы и тщательно набил и раскурил трубку, к нему подбегает молодая блондинка. Элен де Бовуар, представляется она, сестра Симоны, которая, к сожалению, не может сегодня прийти. «А как же вы, – спрашивает Сартр, – так быстро узнали меня среди такого количества людей?» Та отвечает: «Симона сказала, что вы маленького роста, в очках и страшно несимпатичный». Так начинается одна из величайших историй любви двадцатого столетия.

* * *

Поздним вечером, когда солнце в Берлине вдруг выглядывает из-за туч и стреляет низкими лучами по Аугуст-Штрассе, Маша Калеко щурит глаза и останавливается, наслаждаясь теплом.

Как всегда, она заканчивает работу ровно в шестнадцать часов, сбегает вниз по лестнице из своей конторы в еврейском Бюро попечительства о рабочих, где работает уже пять лет, и распахивает дверь. Маша Калеко, урожденная Энгель, просто стоит на улице. Солнце греет, мысли кружатся, до нее доносятся далекий звон трамваев, грохот повозок с пивом, крики играющих детей из дворов еврейского квартала у Александерплац и крики мальчишек, продающих вечерние газеты. Затем она закрывает уши ладонями, наслаждаясь одним лишь мягким и теплым светом. Солнце садится за высокие дома вокруг Фридрих-Штрассе, несколько последних лучей ловит золотой купол синагоги на Ораниен-Штрассе, и вот уже начинается темнота. Но двадцатидвухлетняя Маша Калеко идет не домой, а в кафе на западе города, обычно она ходит в «Романское кафе»¹, там она сидит и спорит с друзьями, у нее такой ясный голос и чудесный берлинский акцент. Курт Тухольский, Йозеф Рот, Рут Ландсхоф – все пододвигают свои стулья поближе, когда приходит Маша Калеко, все любят ее каштановые кудри, мягкий смех и добрые шутки, от которых вспыхивают ее карие глаза. Позже в «Романское» часто приходит ее муж, тихий Саул, тощий, как щепка, и ученый до мозга костей – железные очки, поредевшие волосы. Он журналист *Еврейского обозрения* и преподаватель иврита – и по уши влюблен. Он замечает взгляды других мужчин на свою неугомонную жену, замечает, что его пылкой Маше нравятся эти взгляды, и тогда тихий Саул становится еще тише и заказывает чай, пока остальные открывают первую бутылку вина. Потом в какой-то момент вежливо извиняется, надевает шляпу, берет портфель, откланивается и уходит домой. Когда Маша наконец тоже добирается до их общей квартиры на Гогенцоллернкорсо в Темпельхофе, он уже спит. Она смотрит на него, на благородные черты его лица, колеблющиеся в ритме дыхания. Маша Калеко идет к кухонному столу, берет лист бумаги, карандаш и пишет маленькое любовное стихотворение,

¹ Romanisches Café – знаменитое берлинское кафе, находившееся на улице Курфюрстендамм, излюбленное место встречи интеллектуалов и художников. Захват власти нацистами и эмиграция большинства завсегдаев означали конец для художественного кафе. Здание было полностью разрушено во время бомбардировки в 1943 году. В 1959 году на этом месте был построен «Европа-центр». – *Здесь и далее – примечания переводчика.*

одно из самых трогательных из всех, когда-либо написанных: «Другие – бескрайнее море, а ты как надежный причал. Можешь мне верить, всегда буду рядом, чтобы спокойно ты спал». Приписывает посвящение: «Кое-кому», кладет листок на его тарелку и забирается к мужу в постель. Утром она снова улетит в шесть, чтобы вовремя успеть на работу, на другой конец большого города. Саул чувствует спиной, что жена вернулась в родную гавань, на минуту просыпается, протягивает назад руку и, успокоившись, гладит Машу.

* * *

В 1929 году никто уже не надеется на будущее. И никто не хочет вспоминать о прошлом. Поэтому все так увлечены настоящим.

* * *

«Кто-то готов рискнуть и выйти замуж по любви? Я – нет», – убежденно заявляет Марлен Дитрих весной 1929 года на сцене Театра комедии на Курфюрстендамм, в пьесе Джорджа Бернарда Шоу «Родители и дети». Потом она с наслаждением затягивается сигаретой, опускает веки и демонстрирует себя – воплощенную томную элегантность.

Потом она едет домой к мужчине, за которого вышла не по любви, к Рудольфу Зиберу. У них дома – ежедневная постановка пьесы «Родители и дети». Она называет его «папочка», а он ее – «мамочка». Их дочери Марии пять лет. Няня по имени Тамара с некоторых пор спит в супружеской постели рядом с Рудольфом Зибером, и это очень большое облегчение для Марлен Дитрих. Она больше может не терзаться угрызениями совести из-за того, что ночами бродит по улицам, по барам, общается с незнакомками и незнакомцами. После выступлений на сцене, после съемок на студии UFA в Бабельсберге она часто сначала заходит домой, осматривается, ставит цветы в вазу в прихожей, целует в лоб спящую Марию, переодевается, выпивает стакан воды, освежает парфюм – и на высоких каблуках уходит из дома на теплые улицы ночного города.

* * *

Клауса Манна в двадцатые годы треплют жизненные бури. Ему всего двадцать три года и он еще только начинает жить, но часто ощущает себя совершенно конченным человеком. Он хочет, чтобы его любили. Но отец, скупой на эмоции Томас Манн, никак не может простить сыну, что тот так активно реализует свою гомосексуальность, в то время как ему самому всю жизнь приходилось искусно подавлять ее, и во всем ограничивает сына. А ведь еще в 1920 году Томас Манн писал, что «влюблен» в Клауса. Теперь он никак этого не показывает и вынуждает сына держаться в тени. В новелле «Непорядок и раннее горе» Томас Манн изображает своего сына «маменькиным сыночком и пустомелей». Ужасно. Иногда жизнь – сплошное принуждение к воздержанию. Клаус в ответ пишет отцу письмо, жалуется на причиненную ему насмешками «травму», но не решается отправить письмо. Его отцеубийство реализуется только в литературе: в его «Детской новелле» мы безошибочно узнаём жизнь семьи Манн в Бад-Тельце, в ней фигурируют все члены семьи, вот только отец в его книге совсем другой. Но литературное убийство – не выход для лишенного любви. В своей автобиографии Клаус пишет о Томасе Манне: «Разумеется, ни от кого я так не ждал аплодисментов, как от него». Но Томас Манн вместо аплодисментов только откашливается.

* * *

Пабло Пикассо пишет свою молодую любовницу Марию-Терезу Вальтер лежащей, стоящей и сидящей. Потом всё сначала. Специально для нее он снял маленькую квартирку на рю де Льеж, где может тайно писать и тайно любить Марию-Терезу. Он целует ее и спешит домой, к жене и ребенку. Пока никто ничего не замечает. Только картины потом выдадут его. Кисть – последняя волшебная палочка в эпоху, отменившую все виды магии.

* * *

Двадцатые годы были для него ужасным десятилетием. Всё в Берлине стало слишком громким, слишком быстрым, слишком вакхическим для этого любителя полутеней. Он спрятался в хмурые комнаты своей приемной на Бель-Альянс-Штрассе, 12, второй этаж, направо, в свой «дом престарелых», как говорит он сам. А ведь Готфриду Бенну всего сорок три года. Здесь он с восьми до восемнадцати занимается кожными и венерическими заболеваниями, но пациентки редко забредают к нему, и «звонок редко нарушает мои милые сумерки», как он пишет одной своей любовнице.

Вечером он обычно пьет пиво и ест «касселер»² в соседнем кафе «Рейхсканцлер», иногда он пытается написать стихотворение. Но получается плохо, все строфы по-прежнему из восьми строк, но слова беспомощны и ни одно издательство не хочет опубликовать их. Ночами он встает у окна своей спальни, гасит свет и ждет, что к нему вернется вдохновение. Прислушивается к сентиментальным мелодиям, доносящимся из кафешантана во дворе, слышит, как внизу чересчур громко и беспричинно смеются пары, которым ужасно хочется, чтобы этот вечер не закончился так же грустно, как вчерашний. Бенн напивается кофе до одурения, не спит по две-три ночи, принимает кокаин – всё для того, чтобы пробудить в себе поэтическую силу. Но она продолжает прятаться. Его жена умерла, дочь он переправил к бездетной любовнице в Данию, ему пришлось съехать из огромной квартиры на Пассауэр-Штрассе, а его брата приговорили к смертной казни за участие в политическом убийстве. Вот такие у него получились «золотые двадцатые». Он регулярно заводил любовниц, в основном актрис или певиц, предпочитая при этом вдов, но его строгая выправка, его букеты фиалок, его офицерский аристократизм и его пронзительный голос не то чтобы сводили с ума современных женщин в «Романском кафе», в барах Шёнеберга или на Курфюрстендамм. Он кланялся, входя в помещение и покидая его, он не мог иначе. Это были скорее отчаявшиеся, несчастные женщины, которые надеялись получить хоть какое-то утешение от поэта в халате врача и от его непоколебимой меланхолии, утешение физическое или химическое, но на самом деле они искали всего лишь понимания для затянутых ряской болот своей тоски. Да, перед войной он прославился своими экспрессионистическими стихами о морге и «раковых бараках», но с тех пор прошло уже пятнадцать лет. Теперь каждый дурак говорит о смерти и сексе так же небрежно, как он в 1913 году. И вот в 1929 году доктор медицины Готфрид Бенн – всего лишь человек с богатым прошлым и с обвисшими веками, чей-то «предтеча».

Первого февраля в его кабинете звонит телефон, это Лили Бреда, его нынешняя любовница – безработная актриса, тоже отчаявшаяся женщина, ей сорок один год и она смертельно устала от своих несбывшихся надежд на Бенна и на жизнь. Она говорит, что собирается покончить с собой, потом утробно всхлипывает, сначала тихо, потом громче. Вешает трубку. Бенн выбегает из кабинета, мчится на такси к ней домой, но бездыханная и обезображенная Лили

² Kasseler – традиционное блюдо из свинины.

Бреда уже лежит на мостовой. Она выпрыгнула из окна спальни на шестом этаже. Пожарные накрывают простыней ее мертвое тело, которое Бенн еще недавно ласкал. Бенн публикует в газете *BZ* объявление о смерти Лили. Организует похороны. Никто из двадцати присутствующих на траурной церемонии не произносит ни слова, когда ее опускают в холодную землю в Штансдорфе под Потсдамом. Еще только полчетвертого, но уже смеркается. Бенн обращается со словами утешения к Элинон Бюллер, лучшей подруге Лили. Потом надевает свою темную шляпу, поднимает воротник пальто и тяжелыми, как свинец, шагами идет по тонкому снегу. На вокзал он приходит слишком рано, еще час до ближайшего поезда. Вечером в своем берлинском кабинете, в котором пахнет формальдегидом и безнадежностью, Бенн замечает, что разучился плакать. «Конечно, – пишет он тем же вечером своей подруге Софии Васмут, – конечно, она умерла из-за меня, прямо или косвенно». Всклипывания в телефонной трубке – это было последнее, что он услышал от нее.

Ночью он не видит никаких снов, а наутро хватается трубку и звонит Элинон Бюллер, подруге Лили, которой он накануне жал руку у могилы. Они долго разговаривают. Она рассказывает, он слушает. Проходят две недели, они встречаются, идут на китайскую выставку, потом пьют вино в кафе «Йости». Потом направляются к Бенну домой и становятся парой. Как он скажет позже, он не может жить «без этого». «Венец творенья, свинья, человек», – когда-то лаконично сформулировал он в своем стихотворении.

Вскоре они решают пожениться, Элинон Бюллер в четвертый раз, Бенн во второй. Она заказывает визитные карточки – «Элинон Бенн, урожденная Бюллер». Ей не придется ими воспользоваться. Еще девять лет она будет: Элинон Бюллер, возлюбленная Бенна. «Детка, давай не будем жениться», – успокаивает он ее всякий раз, ведь брак – всего лишь «институт для укрощения полового инстинкта». А она ведь не собирается его укрощать, верно?

* * *

«Во многих произведениях викторианской эпохи, и далеко не только в английском искусстве, – пишет Теодор Адорно, – власть секса и родственного ему сенсуального момента ощущается именно в результате их замалчивания». Бывают моменты «такой покоряющей нежности, какую в состоянии выразить лишь тот, кто лишен этой нежности в жизни». Теодор Адорно, этот жизнелюбивый сын франкфуртского виноторговца с острой потребностью в нежности, в то время редко испытывал лишения. В двадцатые годы он был студентом во Франкфурте, Вене и Берлине, его жизнь была очень насыщенной – и учебными предметами, и диссертациями, и женщинами. В промежутках он писал музыку и музыкальные рецензии. Особенно сильное впечатление он произвел на доктора химии, дочь промышленника Маргарету Карплюс из Берлина. Они познакомились благодаря своим отцам, потому что отец Адорно поставлял в Берлин излишки танины, делавшие его вино таким терпким, а перчатки, которые производил отец Маргареты Карплюс, – более эластичными. Разве это не красивый символ? Всю свою жизнь Маргарета Карплюс, которая потом станет Гретель Адорно, будет делать более эластичными тяжелые танины в мыслях своего супруга – переспрашивая, исправляя и упорядочивая эти мысли на пишущей машинке.

Но в 1929 году это еще не очевидная перспектива, хотя она уже год как обручилась с Адорно. У этой высокой и красивой женщины из семьи ассимилированных евреев своя голова на плечах. Она близко дружит с Бертольтом Брехтом, с Ласло Мохой-Надем, с Зигфридом Кракауэром, с Куртом Вайлем и Лотте Ленъей. А в своем сердце она разрывается между тремя гениями. С одной стороны, Адорно, ее жених, отношения на расстоянии во Франкфурте-на-Майне, но в Берлине есть Эрнст Блох и Вальтер Беньямин. С Блохом у нее еще и физическая, а с Беньямином только интеллектуальная связь, и, как это часто бывает, именно вторая в письмах почти похожа на любовь.

* * *

Двадцать седьмого марта 1929 года Коул Портер впервые задает великий вопрос: «What is this thing called love?»³

* * *

Дитрих Бонхёффер любит только Бога – не считая себя. Этот молодой и активный студент-теолог из хорошей берлинской семьи собирается в первую заграничную миссию в евангелической общине Барселоны и пишет тамошнему пастору Фрицу Ольбрихту, простодушному баварцу, чтобы узнать, как ему лучше подготовиться. Под подготовкой Бонхёффер имеет в виду гардероб. Дескать, он слышал, что погода в Барселоне жаркая, но переменчивая. И поэтому интересно, какой тип костюма Ольбрихт может порекомендовать и из какой ткани. Нужна ли форма для спортивных клубов? Какие костюмы и галстуки надевают на вечерние приемы? Пастору Ольбрихту понадобилось четыре недели, чтобы погасить свой гнев на юного теолога-модника из далекого Берлина. Потом он отвечает Дитриху Бонхёфферу, что никак не может помочь в выборе одежды, но советует ему, как священнику, положить в чемодан ризу.

* * *

Ах, какая весна у Бертольта Брехта. В пасхальную субботу в Театре на Шиффбауэрдамм – премьера пьесы «Саперы в Ингольштадте» его бывшей любовницы Марилуизы Фляйсер. В программке он пишет: «По этой пьесе можно изучать некоторые атавистические и доисторические эмоциональные миры». Например, доисторический мир эмоций самого Бертольта Брехта. В пьесе служанка Берта узнаёт, что ее возлюбленный Корль не только изменяет ей с другими женщинами, но имеет даже жену и детей. Именно этим однажды огорошил Марилуизу Фляйсер сам Брехт. И вот ее Берта заявляет: «Мы что-то упустили, что-то важное. Мы упустили любовь». А Брехт после премьеры незамедлительно приступает к следующему акту, потому что не хочет упускать вообще ничего. 10 апреля 1929 года он женится на Хелене Вайгель, от которой у него уже есть маленький сын. Брехт говорит, что она «благонравная, жесткая, смелая и непопулярная». Иными словами, полная противоположность своего супруга. Что делает супруг сразу после того, как говорит «да» в ЗАГСе Шарлоттенбурга? Едет на вокзал встречать любовницу. Вот только с букетом вышло глупо: у Бертольта Брехта в руке до сих пор вялые нарциссы с бракосочетания. На платформе вокзала Цоо он сообщает Кароле Неер, что полчаса назад женился на Хелене Вайгель, что это, мол, было «неизбежно», но «не так уж и важно», а она швыряет завядший букет ему под ноги и гневно шагает прочь. Ей пришлось проделать долгий путь в Берлин из Давоса, где она ухаживала за своим умирающим мужем, поэтом Клабундом, и всё только для того, чтобы узнать о том, что Брехт снова женился, и снова не на ней. Еще сильнее шокирована Элизабет Гауптман, ближайшая помощница и ближайшая любовница Брехта той весной 1929 года: когда до нее доходит весть о неожиданной свадьбе, она пытается совершить самоубийство у себя дома. Но не стоит беспокоиться. Едва выздоровев, она уже через шесть дней начинает писать новую пьесу и называет ее – без шуток – «Happy End».

А не мог бы ты написать для пьесы зонги, спрашивает она Брехта и обещает ему треть от будущих гонораров. Но для этого ему нужна помощь Курта Вайля, а пьесу он начинает пере-

³ Так – «Что же это такое – любовь?» – называется песня американского композитора Коула Портера (1891–1964).

дельвать, отправившись вместе с Элизабет Гауптман в творческий отпуск в Верхнюю Баварию. Когда в июле начинаются репетиции «Happy End», Брехт наглядно показывает, что лично он понимает под счастливым концом: главную роль в пьесе одной его любовницы исполняет другая любовница, Карола Неер, раз уж она приехала в Берлин, а жене досталась второстепенная роль с характерным названием «Серая Женщина». В главной мужской роли – Тео Линген, новый партнер бывшей жены Брехта Марианны Цофф и отчим его дочери Ханны (да, тут можно запутаться). Садистское желание Брехта одновременно видеть страдания всех своих женщин готово к постановке. Как раз в эти дни журнал *Uhu* спрашивает его об отношении к ревности. Брехт уверен: «Сегодня эта некогда трагическая черта характера осталась только у обывателей». Он пишет эти слова и, довольный собой, смотрит на гипсовый оттиск собственного лица, который установил на письменном столе. Если кружиться вокруг себя, можно потерять равновесие и получить травму. Но в случае Брехта травмы грозят только тем, кто пытается нарушить это кружение.

* * *

Совместные ночи с Асей Лацис, бесцветной коммунисткой из далекой Латвии, с которой Вальтер Беньямин познакомился на Капри, заканчиваются для него неудовлетворительно. Еще в полусне, на рассвете, с полуоткрытыми глазами, он хочет рассказать ей свой сон. Но Ася Лацис «слушала неохотно и перебивала, тем не менее он продолжал рассказывать». Ася Лацис, со своей стороны, просит его наконец развестись с женой Дорой. Ей снится только это. Потом они завтракают, настроение – как засохший ломоть ржаного хлеба.

* * *

Четырнадцатого марта двадцатичетырехлетний Кристофер Ишервуд, променявший медицину на литературу, садится в Лондоне на вечерний поезд в Дувр, на улице идет дождь, гремит гром, несутся тучи, на Ишервуде галстук из Кембриджа, его пальто Burberry промокло, Ишервуд вешает его сушиться на крючок. В Дувре, в темном тумане он садится на пароход до Остенде, в баре третьего класса шумят солдаты, командированные в Висбаден. Двое из них узнают галстук Ишервуда и чокаются с ним. В Остенде он садится на поезд в Кельн, а в Кельне поезд торжественно встречает чиновник на платформе с деревянной табличкой и указывает, с какого пути отходит поезд на Берлин, Ишервуд садится и дремлет, не замечая мелькающих за окном унылых зимних пейзажей, ни о чем не думает, но чувствует, что именно сейчас начинается его будущее. У него легкий чемодан и тяжелая тоска. Он думает о Берлине, потому что знает, что «Берлин – это парни».

Ишервуд живет совсем рядом с институтом сексологии Магнуса Хиршфельда. Он ходит туда почти каждый день, в пять вечера пьет чай с Карлом Гизе, спутником жизни Хиршфельда, основателя института, этого великого и ужасного «Эйнштейна секса». Когда Гизе говорит о Хиршфельде, импозантном ученом с окладистой бородой, на десятилетия старше самого Гизе, он благоговейно называет его «папа». А Ишервуд уважительно называет Гизе «неотесанным крестьянином с девичьим сердцем».

Папа Хиршфельд в своем эссе «Мое отношение к художественной литературе» 1928 года признал, что его «первой возлюбленной» была поэзия, и только потом он отдал свое сердце сексологии. Поэтому неслучайно в своих работах о гомосексуальности он постоянно ссылается на авторитет Шиллера и Гёте. А с таким соседом, как литератор Кристофер Ишервуд, ему исключительно повезло. Ишервуд часто приводит в музей института своих друзей из Англии, потому что это обязательный пункт программы для всех тех, кто «в теме», ведь Хиршфельд уже десятки лет собирает самые интересные артефакты, атрибуты и диковинки из серых зон

секса. В 1929 году Хиршфельд трудится над своей новой книгой «Любовные средства. Обзор сексуальных стимуляторов», в книге будет четыреста страниц, в том числе сто иллюстраций с наглядными материалами. В «Эльдорадо», этом знаменитом берлинском гей-кабаре, люди взволнованно перешептываются, когда легендарный Хиршфельд после научных трудов заявляется в это заведение, чтобы перейти от теории к практике. Здесь его называют не «папа», а «тетушка Магнезия», как мы знаем от Кристофера Ишервуда.

* * *

Даже Альберт Эйнштейн, первооткрыватель теории относительности, знает, что в любви время и пространство играют очень важную роль, и их так просто не преодолешь. «Писать глупо, – телеграфирует он своей жене с летней дачи на озере в местечке под названием Капут, – в воскресенье поцелую тебя устно». Стало быть, воскресенье равно поцелуй плюс время в квадрате.

* * *

В начале лета 1929 года Билли Вильдер⁴ пишет сценарий фильма «Люди в воскресенье», одного из последних немых фильмов и, главное, настоящего берлинского фильма – то есть «бедный, но классный»⁵, и пишет он его в «Романском кафе», выпивая огромное количество кофе в лучах заходящего солнца. Дефектной пленкой AGFA поделилась студия UFA, съемки начались 12 июля 1929 год, но их приходится постоянно прерывать из-за нехватки средств. Четверо из пяти исполнителей главных ролей еще никогда не стояли перед камерой, сценарий написал танцор, он же журналист и авантюрист, ассистенты разбегаются, актерам приходится импровизировать. Съемки проходят сначала у вокзала Цоо, в оглушительном шуме прибывающих поездов, потом за городом, на Ванзее⁶, на поляне, там люди едят сосиски с картофельным салатом, флиртуют под высокими соснами, камера ловит секунды, когда легкие летние платья озаряются солнцем, мужчины затягиваются сигаретами, когда забывают текст. Исполнители двух главных ролей хорошо справляются, потому что они и в жизни постоянно забывают свой текст, а Вильдер и его компаньон Курт Сиодмак сказали им, что нужно играть самих себя. Так что таксист, виноторговец, манекенщица и продавщица грампластинок могут оставаться собой, а фильм получается таким же небрежным и нелогичным, как сама жизнь – по крайней мере, жизнь в Берлине.

А у людей, ложащихся воскресным вечером спать в свете ночника, стремительные страсти «Людей в воскресенье» в тени высоких букв вызывают разве что слабую головную боль и сильную меланхолию. О любви в фильме нет ни слова, и не потому, что это немой фильм.

* * *

Как и два главных героя фильма «Люди в воскресенье», Курт Тухольский и Лиза Маттиас в эти дни валяются на милой лужайке у большого шведского озера. Но они не в немом фильме

⁴ Билли Вильдер (Уайлдер) (1906–2002) – немецко-американский режиссер и сценарист. Среди самых известных его фильмов – «Бульвар Сансет» (1950), «В джазе только девушки» (1959), «Квартира» (1960). В этой книге он появляется еще в немецкий период своей жизни, поэтому используется немецкая транскрипция фамилии.

⁵ Отсылка к характеристике, которую дал Берлину правящий бургомистр Клаус Воверайт в 2003 году: «arm, aber sexy» – «бедный, но клевый».

⁶ Wannsee (нем.) – озеро и одноименный район на окраине Берлина. Район застроен виллами, берега озера – популярное место отдыха.

и поэтому могут непрестанно болтать друг с другом. Курт Тухольский и Лиза Маттиас занимаются этим с того самого момента, когда они познакомились на костюмированном празднике: Тухольский тогда только что вернулся без жены в Берлин из Парижа, чтобы стать преемником скончавшегося Зигфрида Якобсона на посту редактора журнала *Weltbühne*, и за бокалом вина подробно рассказал любопытной Лизе о своих семейных проблемах, «как это часто делают на рассвете зрелые мужчины» – так написала потом об этом вечере Лиза Маттиас, судя по всему, зная толк в подобных вещах.

Итак, Лиза Маттиас, дважды замужем, двое детей, стрижка под мальчика, кабриолет, бесчисленные романы и оригинальные тексты о Хемингуэе и автомобилях – идеальная берлинка того времени, и за ней ухлестывали не только Тухольский, но и Петер Зуркамп, и Лион Фейхтвангер.

Поначалу Курт и Лиза видятся не слишком часто, в основном это короткие встречи во второй берлинской квартире Тухольского, зато Лотхен, как он называет Лизу, становится постоянным персонажем его фельетонов в качестве колоритной, непрерывно болтающей берлинки. Однако, поскольку Лиза Маттиас гораздо заметнее присутствует в газетных текстах Тухольского, чем в его жизни, постепенно она становится менее многословной – он видится с ней только для того, чтобы забраться к ней в постель. Она сетует подруге: «Многовато занимаемся любовью без настоящей любви. На нее у нас не хватает пороуху». Но не беда: «Это в любом случае интересный роман». Интеллектуально она удовлетворена. А что касается чувств, то не стоит требовать слишком многого: «Не бывает любви без боли, говорит Папаша. И он прав».

Он для нее «папаша», а она? «Я была Лотхен Тухольского» – так она назвала свои мемуары. Из них мы узнаём, что ее диван называется «полем греха», а Тухольский так громко храпит, что она каждый раз примерно в два ночи перебирается в комнату для гостей. Но Лизе Маттиас этого мало, она хочет заполучить своего писателя целиком и полностью – без всех этих коллег из редакции, без других завсегдатаев кофейни, без этого гудящего, гремящего, нервного Берлина. Она хочет уехать с ним в отпуск. Но она еще не знает, что означает для женщины отпуск с Куртом Тухольским – а для него любовь важна как материал для следующей книги. После того, как он в свое время провел романтический отпуск со своей возлюбленной Эльзой Вайль в Райнсберге, появилась захватывающая «Райнсберг: иллюстрированная книга для влюбленных», а после путешествий по Пиренеям с Мари Герольд, тогдашней женой, нетрудно догадаться, вышла «Книга Пиренеев».

А когда он в апреле 1929 года отправляется с Лизой Маттиас в Грипсхольм в Швеции, то уже видит это название в кавычках. Они мчатся на север в роскошном кабриолете Лизы, «шевроле» с номером IA 47–407. И когда год спустя Тухольский добавит к своим романтическим приключениям в Швеции несколько фантастических подробностей и переформатирует их в книгу «Замок Грипсхольм», то напишет в предисловии посвящение некому «IA 47–407». Это ни о чем не говорит его жене Мари в далеком Париже, а вот посетители кафе на Курфюрстендамм и в Шёнеберге всё понимают, глядя с террас, как Лиза Маттиас невозмутимо паркует свой громадный автомобиль прямо на тротуаре в любое время дня и ночи. Лиза Маттиас, со своей стороны, тихо гордится, что вполне очевидно слывет любовницей великого Тухольского. Но не будем торопиться. Сначала им нужно доехать до Швеции! Так вот, они лежат на весьма зеленой лужайке в шведском местечке Леггеста, на озере Меларен, напротив величественного замка Грипсхольм на другом берегу, и жмурятся в камеру. Из взгляды говорят: посмотрим, куда это приведет. Но это хороший, солнечный снимок. Вскоре они находят небольшую дачу, деревянный домик, окрашенный в замечательный красный цвет, и пробуют свои силы в качестве любовной пары, хотя Лиза опять записывает, что «особого эротического интереса не испытывает». Но он такой забавный, этот Тухольский, и она охотно позволяет соблазнять себя. А по утрам, когда на дворе щебечут птицы, когда солнце уже разбудило кошек, щекоча их своими лучами, а в этих лучах мелькает комнатная пыль, когда на кухне пахнет кофе и хорошим

настроением, – в такие моменты они иногда даже считают себя счастливыми. Тогда они идут на озеро, купаются, брызгаются, смеются. Едят фруктовый мусс. Лиза трудится на кухне и готовит ванильный соус для своего «папаши». А сама она для него «мать, люлька, товарищ», – скажет потом Тухольский, и для него это звучит романтично. Вечером они занимаются любовью, Лиза снова идет искупаться на озеро, великолепно прохладное в эти часы, а Тухольский садится за импровизированный письменный стол и пишет своей жене Мари в Париж: «В остальном дела так себе – живу тут как отшельник». Ну-ну.

* * *

Иногда Пикассо приходится писать свою жену Ольгу. В последние годы он почти постоянно писал ее изящное тело балерины, но теперь главной его моделью стала Мария-Тереза Вальтер. «Как ужасно, что женщина сразу видит по моим картинам, что ей нашли замену», говорит Пикассо. И ощущение того, что тебя заменили, буквально сводит Ольгу с ума. Она кричит, скандалит, а потом снова на несколько недель уходит в депрессию и добровольно уезжает в клиники на тихих далеких озерах. А ее гнев питает творческие силы Пикассо, усиливаемые чувством вины и упрямством.

И вот 5 мая 1929 года Пикассо соглашается еще раз написать портрет Ольги. Если раньше позирование было для них игрой, соперничеством, эротическим состязанием, то теперь оно превратилось в холодную войну. Никто не произносит ни слова. Пикассо внимательно смотрит на нее и рисует. Она не чувствует восхищения с его стороны, она мучится от своей наготы и мерзнет, сидя в кресле. В ней копится ненависть к себе и к этому мужчине, которого она так любила и который теперь изменяет ей. Пикассо стойчески продолжает писать. И вот наконец он заканчивает и ставит на еще влажном полотне подпись. Ольга надевает кимоно и заходит мужу за спину, чтобы взглянуть на картину, и в этот момент у нее подкашиваются ноги от ужаса. На картине изображена не женщина, а чудовище, с искаженным от ужаса лицом, с причудливо изогнутыми конечностями. Не говорят ни слова, она одевается и уходит.

Пикассо встает у окна, курит и думает о Марии-Терезе, которая собиралась зайти попозже. Когда Пикассо пишет Ольгу в 1929 году, это уже не портретные сессии, а изгнание бесов. Пикассо хочет такой живописью стереть ее из своей души. А что это значит для нее, ему безразлично. Он называет картину «Большая обнаженная в красном кресле». Это первый из заключительных актов долгой драмы.

* * *

Эрих Мюзам часто забывает о том, что он женат. Не то чтобы он не любил свою Ценцль, вовсе нет. Он любит ее. Подчеркнем – в первую очередь ее характер.

Но есть ведь столько неотложных дел: Мюзам, этот огромный, неутомимый социалист-революционер с мощной бородой, коммунистический пророк, пропагандист «дикой жизни» и более гуманной Германии, отсидел пять лет в тюрьме за свою деятельность в Мюнхенской советской республике, а теперь ежевечерне носится по городу, агитируя молодых рабочих за анархизм и призывая к борьбе за свободу. Еще он часто ходит в театр, любит выпить в богемных барах Берлина и Мюнхена, играет в шахматы, флиртует, пишет статьи для коммунистической газеты *Красное знамя*, ездит по стране, много выступает. А когда он встречает особенно интересных революционерок и революционеров, то приводит пять или шесть к себе домой, в революционный дом-подкову Бруно Таута⁷, и поясняет Ценцль, что все эти

⁷ Имеется в виду один из проектов архитектора-модерниста Бруно Таута (1880–1938) – поселок Hufeisen («Подкова») в Берлине, построенный в 1925–1933 годах. Главный корпус имеет в плане форму подковы.

люди пока поживут у них. Анархизм ведь не может заканчиваться на пороге квартиры, говорит он ей. Она ворчит и отправляется к плите, готовить придется на семерых или восьмерых вместо двоих. Она знает, что как минимум с одной из юных революционерок он уже бывал и в постели. Когда она плачет из-за этого, Мюзам смотрит на нее в растерянности: он же всегда говорил ей, что готов только на «свободолюбивый» брак. Никто не имеет права никого ограничивать. Разве она не помнит, что сама согласилась? Да, я помню, отвечает Ценцль, но теперь она больше не согласна. Она закатывает скандал, рыдает, кричит, и Эрих Мюзам спасается бегством, на несколько дней или на несколько недель. Это не шутки – быть женой анархиста. 1 мая 1929 года, в День труда, он шагает по улице, без Ценцль, которая предостерегала его. Он идет с колонной коммунистов по улицам района Трептов, выступает с пламенными речами, происходят первые мелкие стычки с полицией. На следующий день то же самое в Нойкёльне, там рабочие построили баррикады и ведут уличные бои с полицией. Заканчивается всё бойней, берлинским Кровавым маем, за этим следует запрет боевой организации немецкой компартии «Рот Фронт» (кстати, Бертольд Брехт наблюдал за уличными боями из окна квартиры своего друга Фрица Штернберга и, вероятно, под впечатлением от увиденного стал еще более фанатичным коммунистом). А 6 мая, когда еще не улеглись страсти по тридцати трем погибшим и 250 раненым, неисправимый романтик Эрих Мюзам идет в клуб молодых анархистов на Вайнмайстер-Штрассе, недалеко от Александерплац, и выступает там с докладом. Название – «К вопросу о свободной любви». Отправился ли он потом домой к своей Ценцль или занялся свободной любовью в другом месте – история умалчивает.

* * *

Единственное письмо, которое в 1929 году Владимир Набоков, будущий великий, а пока неизвестный писатель, написал своей жене, содержит только два слова и один восклицательный знак: «Таис поймана!» Может быть, он кладет это письмо ей на кровать, пока она еще спит в залитой солнцем комнате в Ле-Булу в Пиренеях – там, в маленькой гостинице, они проводят свой первый настоящий отпуск. А та, кого он поймал, – бабочка, редкий испанский представитель семейства парусников, и Вера улыбается, видя записку, она знает, что ее муж ничего не любит так сильно, как бродить ранним утром по лугам, когда ботинки намокают от ночной росы, и ловить белым сачком бабочек.

А саму Веру Владимир Набоков несколькими годами ранее поймал с помощью слов, которые адресовал ей через газету русских эмигрантов *Риль* в виде стихотворения под названием «Встреча (И странной близостью закованный...)». В нем были строки, понятные одной ей: «Еще душе скитаться надо. Но если ты – моя судьба...» Вскоре скитания беспокойного сердца закончились, и он понял, что его судьба – Вера. И Владимир Набоков написал: «Должен сообщить тебе одну вещь... Может быть, эту вещь я уже тебе сообщал, но на всякий случай сообщаю еще раз. Кошечка, это очень важно, – пожалуйста, обрати внимание. Есть немало важных вещей в жизни, например теннис, солнце, литература, – но эта вещь просто несравнима со всем этим, – настолько она важнее, глубже, шире, божественнее. Эта вещь – впрочем, нет нужды в таком долгом предисловии; прямо скажу тебе, в чем дело. Вот: я люблю тебя».

И Вера, эта яркая и редкая бабочка, поняла, что хватит порхать. Они поженились и стали пробивать себе путь в таком странном Берлине двадцатых годов. Большинство русских, бежавших в Германию после Октябрьской революции, давно уже перебрались в Париж. Вера занимается переводами и работает в адвокатской конторе, Владимир дает уроки тенниса, снимается в массовке на студии UFA, обучает смышленных мальчиков из Груневальда шахматам, а пожилых дам – русскому языку. Но, разумеется, больше всего он пишет. И этот замечательный отпуск на юге весной 1929 года они смогли позволить себе благодаря издательству Ullstein, которое действительно издало сначала фрагмент, а потом и целый роман «Король, дама, валет» и выпла-

тило Набокову огромную сумму в 7500 марок. А тот, кстати, описал в книге свое с Верой счастье: «Он давно заметил эту чету, – они мелькали, как повторный образ во сне, как легкий лейтмотив, – то на пляже, то в кафе, то на набережной. Но только теперь он осознал этот образ, понял, что он значит. У дамы в синем был нежно-накрашенный рот, нежные, как будто близорукие глаза, и ее жених или муж, большелобый, с зализанами на висках, улыбался ей, и по сравнению с загаром зубы у него казались особенно белыми. И Франц так позавидовал этой чете, что сразу его тоска еще пуще разрослась».

Вера и Владимир Набоков – очень необычная пара, потому что они счастливы вместе сейчас и останутся счастливыми в будущем.

* * *

Восьмого июля 1929 года Жан-Поль Сартр всё-таки встречается с Симоной де Бовуар, впервые вне стен Сорбонны. На этот раз в компании Рене Майо, в своей маленькой комнатке студенческого общежития. Всего 76 студентов со всей Франции допущены к «агрегасьон»⁸ в *École Normale*; тот, кто сдаст этот экзамен, может потом всю жизнь преподавать философию в высших школах Франции. Письменный экзамен позади, сейчас все готовятся к устному, который считается убийственно трудным. Обстановка накалена, кандидаты должны знать всю историю европейской философии. Когда Симона де Бовуар входит в комнату Сартра, ее смущают грязь, беспорядок и запахи, но она старается держать себя в руках. Все садятся, и она сорок минут излагает свое понимание метафизики Лейбница. Сартр и Майо не мучат гостью вопросами, они ожидали более неформальной встречи, особенно Майо, который весьма увлечен Симоной и теперь разочарован таким официальным визитом. Во время доклада она только раз сбивается, когда замечает, что абажур ночника сшит из красного дамского белья. Она не знает, что это подарок Сартру от Симоны Жоливе, его любовницы из Тулузы, элитной проститутки с литературными амбициями, – и хорошо, что не знает. После ухода Симоны двое друзей подыскивают для нее прозвище. Сартр хочет назвать ее Валькирией, потому что она показалась ему целомудренной нордической богиней войны. Нет, отвечает Майо, она похожа на бобра, который разгрызает древо познания и строит из него новые дома, поэтому она – *le Castor*. Оба согласны. И во время следующей встречи Симона де Бовуар получает титул «Бобёр». Этому имени она будет верна всю свою жизнь. Семнадцатого июля объявляют результаты письменного экзамена, Сартр и де Бовуар сдали и допущены к устному экзамену, а познакомивший их Рене Майо провалился. Он немедленно уезжает из Парижа. А Жан-Поль Сартр в этот вечер впервые приглашает Симону де Бовуар на ужин, заказывает хорошее вино и говорит: «Отныне я буду заботиться о вас, Бобёр». Но на следующее утро им нужно снова учить философию – в результате они не расстаются еще две недели. Только он и она, в обществе Канта, Руссо, Лейбница, Платона. Иногда чашка кофе, вечером бокал вина, потом вестерн в кинотеатре. И на следующий день она начинает заниматься в восемь утра. Никакими нежностями пока и не пахнет. Но с другой стороны, их мысли уже тесно переплелись. Тридцатого июля объявляют результаты устного экзамена. Первое место занял Жан-Поль Сартр, второе – Симона де Бовуар. Счастливая обладательница второго места на следующий день уезжает с семьей к тете в деревню, чтобы провести долгое лето среди полей и холмов Лимузена. Она бродит по лугам, думает о Сартре, но гораздо чаще – о его симпатичном друге Майо, и записывает в дневнике: «Я нуждаюсь в Сартре и люблю Майо. Я люблю Сартра за то, что он дает, а Майо за то, какой он есть». Но потом она неожиданно приглашает навестить ее в Сен-Жермен-ле-Бель не Майо, а Сартра. Тот сразу садится на поезд, заселяется в небольшую гостиницу поблизости,

⁸ Двухуровневые экзамены, дающие право на преподавание в старших классах лицея и в высшей школе. Готовятся к ним после записи в течение года.

и они видятся ежедневно, лежат на поляне в каштановой роще, пьют сидр, едят сыр с багетом и философствуют. Тепло, август, с гор дует легкий ветерок. Они осторожно целуются. А когда темнеет, они мечтают об общем будущем. Это лучшие дни их жизни.

* * *

Когда танцующая обнаженной Жозефина Бейкер и итальянский граф Джузеппе Пепито Абатино собираются пожениться в Париже, они просто устраивают пресс-конференцию в отеле «Риц». Во всем мире пишут об этом событии, все рассматривают фотоснимки счастливой смеющейся пары, и с этого момента они считаются мужем и женой. История Золушки, родившейся в трущобах Сент-Луиса и покоровшей сердце элегантного европейского графа. На этом всё. В ЗАГС жених идти не собирается, потому что там неизбежно выяснится, что он вовсе не итальянский граф из древнего рода и не прославленный лейтенант кавалерии, а всего лишь сицилийский каменотес.

Зато Жозефина Бейкер – это настоящая Жозефина Бейкер, раскованная двадцатилетняя афроамериканка, которая не училась в школе, лишена ложного стыда и чувства времени, зато имеет безупречное чувство ритма и неподражаемый танцевальный талант. Но сначала каменотес Пепито превращает ее тело в абсолютно современную скульптуру. Еще в двадцатые годы стало понятно: он сделает это тело брендом. Он воспевает ее талант, подчеркивает ее причуды и уничтожает ее критиков. Жозефина Бейкер превращается в «Жозефину Бейкер» – она воплощает в танце не только свое имя, но даже кавычки, они так красиво порхают спереди и сзади, прямо как ее фирменный знак – юбочка из банановых листьев.

Когда ее менеджером и любовником еще был Жорж Сименон, великий, хотя что уж там, величайший автор детективов всех времен, он только следил за порядком в документах Жозефины, следил за тем, чтобы регулярно оплачивались счета за шелковое белье и чтобы она два раза в неделю вовремя являлась на свои ревью. Но Пепито этого мало, он желает не порядка, а богатства. И Жозефина Бейкер предоставляет ему такую возможность. Впервые белый мужчина не только ложится с ней в постель, но даже женится (ну, хотя бы на словах), и это дает ей моральную опору, которой так не хватало раньше. А Пепито не только обеспечивает ей стабильность, он разрабатывает для нее карьерный план. На афишах ее ревью в «Фоли-Бержер» теперь значится: «Joséphine Baker, графиня Пепито Абатино». То есть он подарил ей не только титул, но и французский аксан в написании имени.

Пепито добился того, чтобы у женщин была возможность покупать дочерям кукольных Жозефин-Бейкер, а себе – косметику марки Bakerfix, солнцезащитное масло, лосьон для тела и знаменитый гель для укладки волос, которым любили пользоваться и сама Жозефина, и ее менеджер. А что для мужчин? Они могут, сходя на ее ревью, мечтательно вспоминать красоту и непринужденность чернокожей танцовщицы. «Un vent de folie», ветер безумия – так Пепито назвал шоу Жозефины Бейкер. Он знает свое дело, это именно тот ветер, которого в конце двадцатых годов жаждет весь Париж. Однако в какой-то момент Пепито замечает, что эффект начинает ослабевать. Тогда он первым делом велит Жозефине опубликовать автобиографию – серьезная задача, когда тебе немного за двадцать. Получается простодушно и эксцентрично, она пишет о косметике, о животных, о своем розовом халате и о Париже. Потом они решают построить в Париже дом по проекту Адольфа Лооса, великого венского модерниста. Этот дом стал бы сенсацией, символическим сооружением – снаружи полосы черного и белого мрамора, внутри только сцена для Жозефины Бейкер, первой афроамериканской звезды в Европе, а в центре здания бассейн, и Жозефина – плавающая Венера. К сожалению, ничего не получилось, потому что звезда Жозефины в Париже стала закатываться. Тогда Пепито организует ее крупномасштабное европейское турне. Оно станет необычным путешествием, в котором будет много триумфа и расизма.

Перед отъездом Жозефина должна попрощаться со своими животными. С тяжелым сердцем она оставляет в Париже своих попугаев, кроликов, котов и поросенка. С собой в поезд она берет только двух пекинесов, Фифи и Бэби Гёрл. Еще в поезд грузят пятнадцать кофров, в них 196 пар обуви, 137 костюмов и шуб. Становится понятно, почему мама Пепито пишет подруге, что вообще-то Жозефина могла бы оставить ей побольше платьев и туфель. Еще в таможенной декларации фигурируют шестьдесят четыре килограмма пудры для лица. Хитроумный менеджер Пепито благоразумно отказался от продажи этой пудры под маркой Жозефины – если бы в мире узнали, что Жозефина Бейкер перед выступлениями пудрится, чтобы стать белее, ее заклеямили бы позором все чернокожие. А для белых в Восточной Европе недостаточно даже шестидесяти четырех килограммов пудры. На ночных сценах Вены и Будапешта все рукоплещут сенсационной танцовщице из Парижа, а днем на нее обрушивается тяжелая артиллерия. Повсюду активизируются консервативные круги и церковь. Когда она прибывает поездом в Вену, на платформе ее встречает восторженная толпа, но слышен звон колоколов Пауланеркирхе, которые осуждают сладострастие и порочные танцы, предостерегают от «черного дьявола». На утренних воскресных богослужениях священники так настойчиво и образно живописуют опасность постыдных танцев, которые Бейкер исполнит вечером, что многие прихожане сразу после «Отче наш» идут за билетами. Жозефина Бейкер несколько недель собирает аншлаг в театре Иоганна Штрауса.

Потом она едет дальше по Европе, со своими пятнадцатью кофрами, двумя собаками и одним мужем. В Будапешт, Прагу, Загреб, Амстердам. Она выступает даже в Базеле, а вот в Мюнхене это невозможно, в Баварии в 1929 году уже не приветствуют нудизм. А сильнее всего протесты в Берлине – в том самом Берлине, где она в 1926 году имела грандиозный успех, где ее соблазнила Рут Ландсхоф и где ею восхищался граф Гарри Кесслер, написавший для нее балет... А она-то приехала, чтобы задержаться в Берлине как минимум на полгода, может быть, даже открыть филиал своего французского клуба «*Chez Joséphine*» – таким хорошим она запомнила этот город, его блеск и стремительность, его толерантность. Но ветер безумия стих. Когда она выступила со светловолосой немецкой танцовщицей, один критик на следующий день возмутился: «Как вам не стыдно заставлять нашу красавицу-блондинку Леа Зайдль выступать с какой-то негритяжкой?» Газета *Völkischer Beobachter*⁹ называет ее «полуобезьяной». А те газеты, которые не публикуют расистских статей, публикуют антисемитские. Потому что организаторы турне – евреи, а сочетание обнаженной черной танцовщицы и еврейских устроителей – это уже чересчур для национал-социалистической прессы. Когда на одно из выступлений заявляется штурмовой отряд (СА) и разбрасывает зловония, Жозефина Бейкер прерывает программу, собирает вещи и исчезает. Шоу отменяется, а Жозефина и Пепито в начале лета 1929 года срочно возвращаются в Париж.

* * *

Когда Анаис Нин и ее муж Хьюго Гилер в двадцатые годы переехали в Париж, на рю Шельшер, 11, что рядом с кладбищем Монпарнас, еще никто не догадывался ни о том, что это окажется ключевым событием для истории города любви, ни о том, что спустя тридцать лет Симона де Бовуар поселится в той же квартире. А тогда Анаис Нин записала в дневнике, разочарованная и недавним замужеством, и Парижем: «Лучше бы я сюда не приезжала. Надо уметь видеть Париж в романтическом свете, а так это сплошное фиаско». Ее муж, банкир Хьюго, беспрестанно дарит ей новые издания «Камасутры», которые покупает в книжных лавках на набережных, но Анаис пишет в дневнике: «Я люблю чистоту». Кроме чистоты она любит только свои дневники, да, они для нее – единственный эликсир жизни. На каждом из

⁹ *Народный обозреватель* – ежедневная газета, издание нацистской партии НСДАП.

них есть маленький замочек, а ключ она носит на шее, на золотой цепочке. И только иногда она снимает ключ, когда учится танцу живота, но преподавательница считает ее слишком бездарной. Ей приходится искать что-то новое. Анаис Нин иногда целыми днями лежит в постели, пишет в дневнике о своем подавленном настроении, не понимает, что такое любовь, и поэтому буквально проглатывает роман Д. Г. Лоуренса «Влюбленные женщины». Ее впечатляет то, как Лоуренс отдается на волю хаоса, и она записывает в дневнике, что «погружение в хаос – примета нашей эпохи». А скоро оно станет приметой всей ее жизни.

* * *

А в Нью-Йорке в то же самое время Генри Миллер лежит в кровати у себя дома на Клинтон-авеню в Бруклине и тоже читает «Влюбленных женщин» Д. Г. Лоуренса. Сам он в этот момент испытывает изрядный недостаток любви со стороны этой части человечества. Генри Миллер не может смириться с тем, что его жена Джун просто взяла и привела свою любовницу Мару Эндриус в их общую квартиру – а ему, законному супругу, пришлось взять подушку и перебраться на диван. Две женщины каждую ночь кутят в барах, и в один из вечеров Миллер в отчаянии вешает свидетельство о браке на зеркало в прихожей, чтобы они сразу увидели этот документ, когда ввалятся в квартиру, спотыкаясь и хихикая. Но они проходят мимо, сразу в супружескую постель.

* * *

Рут Ландсхоф целуется только с открытыми глазами. Она буквально смотрит в рот тем, кто ей нравится. Как беспокойная птица, порхает она в конце тех самых двадцатых годов по Берлину, не переставая щебетать, от Жозефины Бейкер к Мопсе Штернхайм, к Клаусу Манну и Карлу Фольмёллеру¹⁰, из кафе в клуб, из клуба в варьете, к *вершинам и пропастям* любого пола, и люди пугаются, когда она решает угомониться или даже замолчать. Но когда она улыбается, восходит солнце. Когда она не улыбается, кажется, что она плачет.

Сегодня она встречает в аэропорту Чарли Чаплина. Она должна показать ему Берлин. Но она покажет ему главным образом себя.

* * *

Шестого июля 1929 года пятидесятилетняя Альма Малер наконец выходит замуж за писателя Франца Верфеля, на одиннадцать лет моложе ее, за своего «мальчика», и теперь ее зовут Альма Малер-Верфель. Они уже десять лет прожили в «диком» браке, и Верфель очень благодарен за то, что сразу после женитьбы может вернуться в дом Альмы в Брайтенштайне. Дело в том, что они женятся в момент, когда они на самом деле на грани разрыва. Альма хочет, чтобы Верфель писал литературу «мирового уровня», а он хочет, чтобы его почаще оставляли в покое. Ведь Альма постоянно болтает только о сексе – у кого с кем сейчас отношения. Когда она входит в раж и жадно выпивает рюмку за рюмкой своего любимого ликера «Бенедиктин», стремясь к «сильным ощущениям», изнуренный Франц собирает чемодан, хватается шляпу и удаляется в тишину гор. Еврей Верфель стал бояться антисемитских выпадов своей жены. Поэтому ему нравится, что обычно она в отъезде. Когда она после свадьбы умчалась в Венецию, Верфель тайно вернулся в иудаизм – за месяц до свадьбы Альма потребовала от него

¹⁰ Карл Густав Фольмёллер (1878–1948) – немецкий археолог, филолог, поэт, драматург, сценарист, переводчик, автогонщик, авиаконструктор. Добился больших успехов и в других областях. Проживал одновременно в Берлине, Париже, Голливуде и в Венеции, где владел palazzo «Vendramin».

выйти из иудаизма (и его родителей-евреев она на свадьбе тоже старательно избегала). Она записывает в дневнике: «Я пью, чтобы быть счастливой». А он пишет одну книгу за другой, чтобы не стать несчастным.

* * *

Он смертельно устал, едва появившись на свет в 1874 году. «Не властен я с век своих поблекших / Страхнуть усталость племен забытых»¹¹, – написал Гуго фон Гофмансталь, будучи восемнадцатилетним вундеркиндом. В те годы Вена, наоборот, только просыпалась, мировой дух пробудил дикие творческие энергии – Эгон Шиле, Георг Тракль, Людвиг Витгенштейн, Зигмунд Фрейд, Артур Шницлер, Карл Краус и так далее. А Гуго фон Гофмансталь просто постоял рядом, беспомощная жертва модернистского урагана, в двадцать пять лет он уже стал легендой, а теперь, в пятьдесят пять, он элегантный динозавр, аристократ духа, невыносимый сноб, иногда сочиняющий либретто для Рихарда Штрауса. Иногда он позволяет себе немного прозы, столь же изящно закрученной, как кончики его усов. Он провозгласил, что главной целью двадцатых годов должна быть «консервативная революция». Для него это означает в том числе непрерывное утверждение института брака. Да, все его комедии и либретто – на самом деле пафосные гимны браку; своему другу Карлу Буркхардту он пишет, что в его пьесах сказано всё, что он думает по этому поводу. Но сказано, наверное, так завуалированно, что даже его собственной жене Герти приходится долго разбираться. Потому что большой теоретик брака не очень активен на практике. Кажется, его главное достоинство как мужа – терпение. Он находит совершенно правильным, что жена не интересуется темами, которые он обсуждает с друзьями. И что она уходит из комнаты, когда он собирается прочесть вслух что-то из написанного. «Брак состоит не в том, чтобы всё было общее», – полагает Гофмансталь.

В книгах он выражается несколько сложнее. Например, в «Ad me ipsum» он пишет, что брак разрешает «две антиномии бытия – времени и срока, одиночества и общности». Поэтому, с его точки зрения, жизнь без связи ведет к жизни без предназначения, и тот, кто не женится, влачит бесполезное «предсуществование». Ничего удивительного, что с такими теориями Гуго Гофмансталь приходилось нелегко в Берлине и Париже золотых двадцатых годов. Зато в Родауне, аристократичном пригороде Вены, куда он перебрался, и на театральных фестивалях в Зальцбурге супружеские пары с благосклонной улыбкой слушают арии с его тезисами, держась за руки.

А как часто сам Гуго фон Гофмансталь держит за руку свою Герти? Трудно сказать. В его прозе и письмах никогда не упоминаются два человека – Герти и он сам; даже друзья считают его молчуном в том, что касается его внутреннего мира, а также еврейских корней. Это относится и к будущему, уже в двадцатые годы он панически предостерегает всех от попыток написать его биографию, потому что это «нелепо», и обещает оставить после смерти необходимые распоряжения, чтобы «не допустить подобной дешевой болтовни».

Он наглухо закрыл свои внутренние, ранимые области, и над его сверхчувствительной душой властвуют телесность и эротика. Брак для него – умственное понятие, можно сказать, весьма убедительная концепция. Замечает ли он, что ее, как и многие хорошие концепции, довольно трудно воплотить в жизнь? Герти родила от него троих детей: в 1902 году Кристиану, в 1903 году Франца и в 1906 году Раймунда, но Гуго фон Гофмансталь каждый раз устраивает так, что роды происходят во время его длительных поездок и выступлений за границей. И он не спешит возвращаться домой. Да, всю свою жизнь он виртуозно уклонялся. От друзей, обязанностей, детей, работы. А от женщин? Этого мы не знаем. В юности он отверг ухаживания Стефана Георге, но среди его близких друзей много геев – Леопольд фон Андриан, Рудольф

¹¹ Из стихотворения «Умирать иным...» (1895; пер. Ю. Корнеева).

Александр Шрёдер, граф Гарри Кесслер. Именно прозорливый граф Кесслер однажды записал: когда Гофмансталь разговаривает с женщинами, он становится «похож на дипломата, на восьмидесятилетнего старика». А Гофмансталью тогда было всего тридцать.

После знакомства со своей будущей женой Герти Шлезингер он пишет ее брату и поясняет, почему выбрал ее в жены: «Она относится к жизни с доверием и совсем без тоски». Кажется, его это успокаивает. Герти «так удачно лишена всякой тяжеловесности». Или, иными словами и без обиняков: она обладает чудесной способностью «легко и радостно принимать факт некоторой ограниченности своего интеллекта и не претендовать на то, что ей недоступно». Причем такая ситуация ее полностью устраивает, и нет никакого смысла в том, чтобы «как-либо просвещать ее с помощью книг или разговоров». Вот так Гуго фон Гофмансталь представляет себе идеальную жену.

Да, когда Гофмансталь говорит, что «не может помыслить жизни без брака», то в этом громогласном пафосе слышится какое-то заклинание от дурного глаза. Тогда получается, что брак в его случае – это идеальная форма одиночества. Бесконечная попытка скрыть за красивыми словами свои гомосексуальные склонности. Автор либретто оперы «Кавалер розы»¹² как будто хочет предьявить публике блестящий образ «идеального мужа», чтобы защититься от самого себя. Создается впечатление, что с помощью непрерывного украшения фасада, под лирической оболочкой искусства он надежно спрятал от себя свои истинные желания. В его произведениях нет никого вроде Густава фон Ашенбаха, с вожделием наблюдающего за юношами на острове Лидо, нет ловкого официанта, бродящего по страницам дневников, как у Томаса Манна. С браком у Гофмансталя дела обстоят примерно так же, как с героизмом: во время Первой мировой войны он повсюду воспекает храбрость, волю к победе и мужественную жертвенность солдат, а сам из кожи вон лезет, чтобы добиться перевода с опасного для жизни фронта в теплый административный кабинет.

Однако ему не удастся сбежать с самой страшной своей битвы. Летом 1929 года перемирие между ним и сыном Францем переходит в изнурительную позиционную войну. Потрепанный жизнью сын в двадцать шесть лет возвращается к родителям, в их дом в Родауне. Франц пытается выйти из тени знаменитого отца, сочиняет стихи, безответно влюбляется, бунтует против родителя, отдающего предпочтение его сестре. Но раз за разом он осекается, гневно молчит, как будто не может сформулировать то, что мучит его душу. А ночью 13 июля в комнате сына раздается выстрел. Гуго фон Гофмансталь и его жена Герти вскакивают в своих спальнях. Франц застрелился. Гуго фон Гофмансталь может только апатично сидеть в кресле. Пятнадцатого июля он хочет подняться, чтобы пойти на похороны сына, и умирает от инсульта. Нет – от разбитого сердца. «Имеющий сына имеет жизнь; не имеющий сына не имеет жизни» (1 Ин 5:12). Два дня спустя Гуго фон Гофмансталя хоронят на Кальксбургском кладбище рядом со свежей могилой Франца фон Гофмансталя. Поскольку он был близок ордену францисканцев, согласно последнему желанию его хоронят в одеянии францисканца. Так великий теоретик брака закончил свой путь целомудренным монахом.

* * *

Есть и еще один сын, прекрасно понимающий несчастного сына-самоубийцу, – это Клаус Манн. Он пишет некролог Гуго фон Гофмансталью, который на самом деле посвящен скорее Францу фон Гофмансталью. Он так хорошо понимает желание уйти из жизни, когда тебя недостаточно любят. Когда тебя подавляет слава отца: «Он умер, как один из нас, как наш брат. Там,

¹² «Der Rosenkavalier» – комическая опера Рихарда Штрауса, созданная в 1909–1910 годах на либретто Гофмансталя. Главный герой оперы граф Октавиан выступает и в качестве мужчины, и в качестве женщины; исполняет эту роль всегда женщина.

где оступился он, могли оступиться и мы – едва ли мы сильнее его. И поскольку мы продолжаем жить, то мы несем часть ответственности за его смерть; а также за последующую смерть его отца». Какие пугающие слова один сын адресует другому – он признается и в том, что знает, как он мучит своего отца, Томаса Манна, своей демонстративной гомосексуальностью. Почти нет совместных фотографий Томаса и Клауса Маннов – а на тех немногих, где они вместе, мы видим не обычного Клауса-денди в элегантных позах, а зажатого человека с неуверенной улыбкой. Совсем скоро, в том же 1929 году, давление на Клауса Манна увеличивается еще сильнее – его отец получает Нобелевскую премию по литературе. После известия о премии Клаус Манн начинает помимо кокаина принимать морфий, чтобы заглушить свои чувства. Он не едет на церемонию вручения Нобелевской премии в Стокгольм. Отец не пригласил его.

* * *

Царит невероятный культ невозмутимости, того, что называется «cool», и когда у кого-то наворачиваются слезы, его сразу начинают убеждать в том, что сердце – всего лишь мышца. А романтизм – всего лишь художественное направление девятнадцатого века. «Все мы были обычными детьми Холодного Мира, хладнокровными ледышками, и большинство понимало, что вскоре нас ждут неприятности», – говорит Лиза Маттиас, многострадальная Лотхен Курта Тухольского. Послевоенные травмы, ужасы холода и темноты привели к тому, что многие мужчины сопротивляются любым сильным чувствам. Вальтер Гропиус в строгих костюмах и с неподвижным взглядом руководит Баухаусом в Веймаре и Дессау, у Макса Бекмана – «Автопортрет в смокинге», Эрнст Юнгер на обложке «В стальных грозах» – в меховом воротнике. Художники «новой вещественности» довели до крайности холодный снобизм по отношению к себе и к другим. Прежнему экспрессионистскому идеалу «аутентичности» теперь противопоставляется искусственность, художники смотрят на свои модели, как врачи: раздевайтесь, пожалуйста, но не раскрывайтесь передо мной.

Отто Дикс, любитель Ницше, называет себя «путешественником на Северный полюс», а Джордж Гросс хвастает своим «ледяным характером». Бертольт Брехт носит жесткую кожаную куртку, пишет «Хрестоматию для жителей городов», в которой требует, чтобы все застыли: «Восхваляйте холод!» Эрнст Юнгер требует «литературы ниже нуля». А что конкретно нужно делать для этого? Курт Морек в своем «Путеводителе по порочному Берлину» рекомендует новые бары на Курфюрстендамм: «Посреди ослепительной чистоты стекла и никеля можно охладиться изнутри с помощью восхитительных американских коктейлей со льдом».

* * *

Охлаждение – исключительно мужское занятие? Конечно же нет. Тамара де Лемпицка всю жизнь учится, рисует, экспериментирует с материалами и их эффектами и наконец находит свой стиль. Холодная кожа – гладкая, как эмаль, напоминающая кричащие краски рекламных плакатов; стройные изогнутые фигуры, как у итальянских маньеристов. Потом окажется, что эти фигуры идеально подходят к благородной элегантности французской мебели того времени, и живопись Тамары де Лемпицки назовут ар-деко, а еще позднее, когда ее поклонником станет Энди Уорхол, выяснится, что еще более точным определением было бы поп-арт-деко. Но сейчас, в 1929 году, это настоящий экстракт современности. И каждому, чей портрет она пишет, кажется, что он становится иконой. Тамара де Лемпицка, переехавшая в Париж из Польши, несет голову на плечах гордо, как трофей, а ее фигура так же пластична, как пеньюар, она – женское воплощение денди, воплощение новой эпохи, и портретируемые готовы платить бешеные деньги, в том числе потому, что одним портретом дело зачастую не ограничивается.

«Для вдохновения мне нужны любовники», – говорит Тамара де Лемпицка. Мужчины вдохновляют ее так же, как и женщины.

А вот итальянский писатель и эротоман Габриеле д'Аннунцио обломал об нее зубы. Он пригласил Тамару де Лемпицку в свое имение, чтобы она написала его портрет. Но сначала он желает отправиться с ней в постель. В первый же вечер шестидесятитрехлетний д'Аннунцио заявляется к ней в комнату и раздевается (не буду смущать вас деталями). Она просит его одеться. Он не понял, что для нее первым делом – работа, а развлечения потом. А она не поняла, что ему нужны портреты только от тех, в чьем безусловном восхищении собой он уверен. Выставленный за дверь, он сразу находит утешение у служанки, которая вынуждена повиноваться. На следующий день Тамара де Лемпицка уезжает. И рисует саму себя: «Автопортрет в зеленом „бугатти“» – работа по заказу берлинского журнала *Die Dame*, оригинал такой же маленький, как обложка журнала, 35 на 27 сантиметров, тем не менее это одна из важнейших картин эпохи. Рука дамы в светло-коричневой перчатке на черном руле. Чувствуется, что ее нога на педали газа. Красные губы, глаза подведены, взгляд свеж и неудержим, потому что «взгляд вперед ничего не выдает нам» (Уильям Бойд).

Вообще-то у самой Тамары де Лемпицки тогда был всего лишь «Рено», но она понимает, что нужна постановка, и рисует на улице красивый «бугатти», стоящий перед «Кафе де Флор», а потом в мастерской садится в него на своем холсте. Когда Рут Ландсхоф, Аннемари Шварценбах, Эрика Манн, Мод Тиссен и Клеренора Штиннес увидели эту картину на обложке *Die Dame*, им всем показалось, что они смотрят в зеркало. Кстати, место в машине рядом с Тамарой де Лемпицкой на картине пустует. Новой женщине не нужны спутники.

Она сама знает, куда ехать. И где тормозить. В 1929 году к ней в мастерскую входит несметно богатый барон Рауль Куфнер, крупнейший землевладелец бывшей Австро-Венгерской монархии и любовник андалусской танцовщицы по имени Нана де Эррера, и она соглашается писать портрет его парижской пассии. Тамара де Лемпицка в ужасе оттого, как безобразно та одета, и поэтому просит ее раздеться. Теперь она приходит в ужас от того, как мизерна эротическая привлекательность этой женщины. И вот Тамара де Лемпицка впервые пишет свою визави именно такой, какой она ее видит, ничего не преувеличивая и ничего не сглаживая. За неслыханный гонорар от миллиардера она с почти демоническим наслаждением пишет картину, на которой его любовница выглядит страшной, зажатой и намного старше своего возраста. Когда барон снова приходит в мастерскую и видит на картине, как непривлекательна его возлюбленная и насколько симпатичнее художница, он сразу затевает роман с Тамарой де Лемпицкой. Получается, что она превратила заказной портрет в заказное убийство. Теперь она знает, что с помощью живописи можно получить что угодно и разрушить что угодно. В том числе любовь.

* * *

В 1929 году распадается брак Густафа Грюндгенса и Эрики Манн. Анализ фактов и эмоций неумолимо показывает, что это более разумное решение, чем их женитьба тремя годами ранее.

А дело было так: дочь Томаса Манна, открытая лесбиянка, писательница и актриса Эрика Манн познакомилась с актером Густафом Грюндгенсом, геем, в Гамбурге на репетициях пьесы «Аня и Эстер». Всего в пьесе четыре персонажа, две остальные роли исполняют Клаус Манн и Памела Ведекинд. Поначалу и Грюндгенс, и Эрика колеблются, не стоит ли им предпочесть Памелу, но потом всё же начинают встречаться, а некоторое время спустя обручаются и Клаус с Памелой – из-за разочарования, скуки или из хулиганских побуждений.

Вообще-то Грюндгенс в то время довольно счастливо жил с художником Яном Курцке: «Ян – мое альтер эго, – пишет Грюндгенс незадолго до свадьбы своим встревоженным родите-

лям, – только гармония с ним дает мне силы для творчества». А затем он приветствует появление Клауса Манна на гамбургской сцене такими восторженными строками: «Молодое поколение нашло в лице Клауса Манна свой голос <...> С безжалостной любовью он показывает свое поколение – его мудрое невежество, скованную раскованность, чистую порочность. Мы должны любить этих людей, у которых есть столько любви, которые понимают всю болезненность собственных заблуждений. И в первую очередь мы должны любить певца этих людей». Как бы то ни было, сам Грюндгенс не следует собственному призыву и вместо певца любит его сестру. Свадьба в доме Томаса Манна не лишена пикантности – свидетелем выступает Клаус Прингсхайм, брат Кати Манн, который во время свадебного застолья довольно открыто флиртует с женихом. А невеста, то есть Эрика, предлагает провести медовый месяц в том самом номере отеля во Фридрихсхафене, в котором она месяцем ранее жила с Памелой Ведекинд; отсюда она немедленно пишет страстное письмо «любимой Памеле, которую я люблю безмерно». Но вскоре в гостиницу на помощь к молодоженам, которым непросто вместе, спешат Клаус Манн и Памела Ведекинд. Кроме того, они зазывают к себе в компанию симпатичного легкоатлета по имени Герман Кляйнхубер, который в одиночестве нарезает круги перед гостиницей. С этим пробегавшим мимо случайным знакомым, Грюндгенс в 1930 году проведет отпуск на Лаго-Маджоре (у Памелы к тому времени уже будет роман с Карлом Штернхаймом, а Клаус и Эрика останутся сами с собой).

Мать Кати Манн, Хедвиг Прингсхайм, с присущей ей стоической мудростью подытоживает: «Современный брак настолько странен, что, наверное, только сам Святой Дух поможет мне испытать радости прабабушки». После того, как квартет снова собрался во Фридрихсхафене, Эрика Манн и Грюндгенс поселяются в Гамбурге, в квартире на Обер-Штрассе, 125, а чтобы не забыть двух остальных, они дают своим кошкам имена из пьесы – Аня и Эстер.

Очень кстати к ним вскоре переезжает и Клаус Манн, чтобы в новой квартире молодоженов писать пьесу «Ревю четверых». Свидетелю на свадьбе Клаусу Прингсхайму поручается написать музыку к пьесе, а оформлением занимается Мопса Штернхайм. А в главных ролях, без шуток, снова всё те же: Грюндгенс, Эрика Манн, Клаус Манн, Памела Ведекинд. «Навязчивое повторение», сказал бы Зигмунд Фрейд. Пьесу ждет полное фиаско. Грюндгенс сразу после премьеры находит себе замену, запланированное турне по Германии обернется катастрофой, и конец их общей сценической карьеры оказывается концом спектакля «Брак», который хотели поставить Эрика Манн и Грюндгенс.

Грюндгенс переезжает в Берлин, там он первое время живет в мастерской своего гамбургского друга Яна Курцке, а потом падает в объятия Франческо фон Мендельсона – наверное, самой яркой птицы из великого множества экзотических птиц в человеческом зоопарке Берлина конца двадцатых годов. Мендельсон, потомок великого философа и сын богатого банкира – виолончелист от Бога и эксцентрик по природе. Сиденья его кабриолета обтянуты мехом горностая, а на светских балах он любит скинуть шубу и продемонстрировать восхищенной публике свое тело. Они с Грюндгенсом каждый вечер бродят по барам Шёнеберга¹³

¹³ Район Берлина, традиционное место сосредоточения гей-баров, вокруг которых селится и их публика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.